

И. Е. Забелин

**Домашний быт русских
цариц в XVI и XVII
столетиях**

Книга I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-12

Забелин И.Е.
3-12 Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, Книга первая / И. Е. Забелин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 880 с.

ISBN 978-5-4241-2022-0

Книга известного историка Ивана Егоровича Забелина (1820-1908) уникальна по объему материала и занимательности изложения. Она посвящена анализу женской личности и положению женщин, в том числе цариц, в допетровское время. Рассматривается история государевых невест и браков. Описываются нравы царского двора, образ жизни русских цариц, наряды, приемы, забавы.

ISBN 978-5-4241-2022-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© И.Е. Забелин, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. Женская личность в допетровском обществе	4
ГЛАВА II. Главные черты женской личности в допетровское время.....	80
ГЛАВА III. Женская личность в положении царицы	196
ГЛАВА IV. Обряд царицыной жизни, комнатной и выходной.....	295
ГЛАВА V. Дворцовые забавы, увеселения и зрелища	399
ГЛАВА VI. Царицын дворцовый чин.....	506
ГЛАВА VII. Царицыны наряды, уборы и одежда.....	574
Материалы.....	687

ГЛАВА I

Женская личность в допетровском обществе

Общие черты положения женской личности в допетровском обществе. Суждение Котошихина и суждения исследователей-идилликов. Коренное начало древнерусского общества. Родовой быт. Идиллия семейно-общинного быта. Смысл рода и смысл общины. Родовая идея есть идея родительской воли – опеки. Достоинством личности было «отечество». Местничество и вече суть выражения древнерусской общественности. Существенный ее характер. – Родовая идея – воспитательница русской личности. Домострой – школа личного развития. В чем полагалась самостоятельность личности. – Основные черты характера русской личности. Господарство воли и детство воли. Общая характеристика допетровского общества.

Котошихин в известном своем сочинении «о России в царствование Алексея Михайловича», рассказывает, что когда были московские послы на свадьбе у польского короля, то правили посольство и подносили свадебные дары от царя и от царицы особо королю и особо королеве. Править посольство значило исполнять его самолично пред лицом potentата. Желая в той же мере отблагодарить московского царя, и польский король посылал к царю своих послов и велел посольство править и дары подносить от себя и от королевы, дарю и царице, тоже каждому особо, так как делали наши послы

в Польше. Этого, конечно требовало обычное вежество, обыкновенный этикет во взаимных сношениях двух государей. Но, справив посольство и поднеся дары царю, польские послы, *по московскому обычаю*, не были допущены к царице. «А к царице посольства править и ее видеть не допустили, говорит Котошихин; а отговорились тем: назвали царицу больною; а она в то время была здорова. И слушал у послов посольства, т.е. обычные речи, и дары за царицу принимал царь сам». Точно тоже случилось с английским послом, приезжавшим к царю с дарами по такому же поводу в 1663 году.

Для чего так творят? вопрошает Котошихин, желая открыть иноземцам, для которых он писал свое сочинение, истинные причины этого обычая, и делая с этою целью сей достопамятный ответ.

«Для того, отвечает он, что московского государства *женский пол грамоте неученые*, и не обычай тому есть, *а иным разумом простоваты и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужства своего у отцов своих живут в тайных покоях, и опричь самых ближних родственников, чужие люди, никто их, и они людей видети не могут*. И потому можно дознаться, от чего б им быти гораздо разумными и смелыми. Также как ни замуж выдут, и их потому ж люди видають мало. И только б царь в то время учинил так, что польским послом велел быть у царицы своей на посольстве; а она бы выслушав посольства собою ответа не учинила б никакого, и от того пришло б самому царю в стыд {Котошихин, стр. 44.}.

Настоящий случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихин объясняет не совсем верно, ибо править посольство иноземным послам прямо пред лицом царицы строго воспрещал стародавний обычай. Послы не могли видеть царицу не потому, что царь боялся стыда от ее несмышленных, и стыдливых отговоров, а потому хоромы царицы были совсем недоступны не только иноземных послов, но и для своего народа, даже для боярства и всего двора, за исключением самых близких ей людей, обыкновенно близких ее родственников или самых доверенных слуг Двора. Но, неверно объясняя частный случай, Котошихин очень верно и вполне обстоятельно изображает вообще положение женской личности в нашем старом обществе, рисует действительность, над постепен-

ным созиданием которой усердно работали целые века и целый ряд поколений. Короткими словами, но очень живо, он рисует вместе с тем и характеристику самого общества, ибо характеристика женской личности всегда служит вполне верным изображением самого общества. Напрасно мы будем отвергать суровую, быть может слишком жесткую правду этого отзыва, приводя в доказательство некоторые имена, заявившей свою жизнь и умственную и нравственную самостоятельность женской личности; напрасно мы будем смягчать простую и может быть оттого слишком грубую и резкую силу этих неподкупных слов, указывая на некоторые идиллии, в которых выражались, иногда даже очень благодушно, семейные и общественные отношения женской личности и которые, сказать по правде, в той красоте, какая им приписывается, существуют только в воображении добрых защитников всего доброго и нравственного по форме. Ни одиночное какое-либо имя, т.е. личность, которая всегда может, при известных обстоятельствах жизни, выдвинуть себя из общего течения, даже с особенною славою; ни благодушная какая либо идиллия, которая точно также *бывает*, как и все и всегда бывает и случается в человеческой жизни, словом сказать: ни какие частные и потому случайные явления не в состоянии заслонить от нас в этих словах настоящий свет жизненной правды, настоящий свет действительной, а не воображаемой жизни. Отзыв Котошихина, оправдывается не какими либо исключительными одиночными явлениями, а всем строем допетровского русского быта, общим положением и умоначертанием тогдашней жизни, всею нравственною стихиею общества. Некоторые исторические явления, некоторые юридические определения, придававшие женщине самостоятельный смысл, не могут колебать самой основы старых воззрений. Такие личности, как напр. Софья Витовтовна – литовка, Софья Фоминишна – гречанка, Елена Васильевна Глинская, – тоже иноземка, которые, как известно, пользовались некоторою долею женской свободы, по крайней мере иногда принимали лично иноземных послов и не прятались в своих хоромах, когда обстоятельства требовали их участия в подобных церемониях; такие личности, как иноземки, ничего не могут объяснять в отноше-

нии общей характеристики. Некоторая доля самостоятельности принадлежала им отчасти потому, что они были *чужие*, что личность их, по их иноземству и по высокому значению их рода, сама собою уже приобретала в глазах русского общества особенное, независимое положение, которое ни в каком случае не могло равнять их со *своими*, а потому и освобождало некоторые их поступки от привычных ограничений женского быта. Но, воспитанные в обычаях, дававших больший простор женской личности, они, однако ж, в московском дворце, должны были жить так, как повелось истари, т.е. должны были подчиниться тем понятиям и порядкам жизни, какие повсеместно господствовали в русской земле. А эти понятия почитали весьма *ззорным* всякое обстоятельство, где женская личность приобретала какой либо общественный смысл. Эти понятия признавали ее свободу и то в известной мере, в одних лишь семейных отношениях и в положениях исключительно семейного общежития. Как скоро общежитие принимало какую либо форму общественности и из домашней, семейной сферы переходило в сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имеет здесь своего места, что без особенного *ззора* в публичном общежитии она не может становиться рядом с личностью мужчины. Известная выработка идей и представлений в этом направлении привела вообще к тому, что женская личность своим появлением в обществе нарушала как бы целомудрие публичного общежития, не говоря уже о том, что собственное ее целомудрие при таком подвиге, в глазах века, погибало окончательно. Одному мужчине исключительно принадлежали интересы общественности. Он один обладал нравом жить в обществе, жить общественно. Женщине оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человеком исключительно домашним, и в существенном смысле быть вместе с домом и домочадцами только орудием, средством для жизни общественного человека – мужчины.

В одном только случае самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою, в том случае, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при том обстоятельстве, когда, по смерти мужа, она оставалась *матерю* вдовою, т.е. вдово-

вою – матерью сыновей. И мы видим, что *матерая* вдова в древнем русском обществе играет в некоторых отношениях мужскую роль; мы видим, что тип этой личности приобретает сильные самостоятельные черты и в общественной жизни и в исторических событиях, а след. и в народной поэзии, в былинах и песнях. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матерая вдова все-таки была явлением случайным, в некотором смысле исключительным. Личность ее ни как не может служить мерою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайным представителем дома, семьи, которая стояла уже так сказать на материке, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семье именно это значение корня. Вдова бездетная, у которой не оставалось под ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убеждению века равнялась в своем значении с сиротою, и в древнейший период нашей истории вместе с сиротами, убогими, калеками и пр. и всеми беззащитными личностями поступала под покровительство церкви, причислялась к людям церковным, *богадельным*, т. е. к людям, забота об участии которых была *делом божьим*, потому что не была делом общественным. Вот почему вдова без сына почитает себя тоже сиротою. Одно это может уже свидетельствовать, что личность женщины не имела ни малейшей *общественной* самостоятельности и как скоро выделялась из семьи, где только и сохраняла известную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельного значения и приравнивалась ко всем сиротствующим, совершенно беззащитным в общественном смысле, так что по необходимости переходила под опеку церкви, подававшей ей руку вместо общества, которое отрицало в женском достоинстве всякий смысл личности, имевшей какие либо общественные, а не семейные, только домашние права.

Идиллики истории очень серьезно и с подобающею ученостью, с ссылками на летописи и другие источники, с выписками подлинных текстов, доказывают, что напр. «красота жены ценилась»: Святослав женит сына Ярополка на пленнице гречанке «красоты ради лица ее»; Ольга удивляет красотой лица греческого императора; что

«жена имела право на часть мужнина имения; что все заботы о детях возлагались на мать; что попечения и заботы, которые употребляла мать при воспитании детей своих, давали ей в народном воззрении неоспоримое право на уважение последних; что тесная связь матери с детьми не могла не оказывать влияния на последних: характер матери явственно отражался и в детях; что девушку не стесняли в ее действиях (следуют доказательства и подтверждения о том, как девицы постригались в монахини); что дочь девица имела участие во всех событиях своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходе замуж, девушка однако не прерывала связи с нею; что воспитанная в общем кругу родной семьи, одинаково согретая любовью отца и матери, русская женщина этого времени (до монголов), являясь женою, стоит нравственно на одном уровне с мужем. В этом лежит объяснение тех отношений, которые возникают между ними. Подружье – название жены в книжном языке, ладой зовет жена мужа в языке народном. Равна жена мужу в законе: кто убьет жену – тот же суд, как за мужа. (Здесь однако ж закон, Русская Правда, говорит вообще об убийстве женщины, а не о жене мужа). Любите жену свою, учит детей хороший отец (Владимир Мономах, который тотчас же и прибавляет другое поученье, пропускаемое автором: *но не дайте им над собою власти*, что собственно значит: властвуйте над ними). Жена стоит рядом с мужем, живет с ним одною жизнью, разделяя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя в самых сокровенных его думах. Муж видит в ней лучшего друга, спутника жизни, поверяет ей все; что где бы ни был муж, мысль о жене не покидает его; что жена была не стеснена в своей жизни, могла действовать свободно (доказательства: Верхуслава ведет переписку с епископом Симоном, принимает большое участие в монахе Поликарпе, желая устроить его где либо епископом, вот и все); что жена могла иметь свою собственную землю, села; жена независимо от мужа могла иметь свою казну и т. д. {Русская женщина в домонгольский период. Историческое исследование Александра Добрякова. Спб. 1864. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и мн. др.}

Подобные идиллические заключения носят в сознании многих изыскателей нашей старины; но в сущности они обнаруживают

только какое-то странное сомнение во всем том, что составляет существо человека, будет ли он мужчина или женщина, и что никогда не подвергалось спору, в чем ни один рассудительный человек никогда и ни где не мог сомневаться. Все выводы, с таким усердием добытые из летописей, житий, грамот и т. д. сводятся к одному, что жена любила мужа, а муж любил жену; что мать любила детей, а дети любили мать; что женщина, как член семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась известными правами как человек вообще и как член семьи в особенности. Кто же мог когда либо в этом сомневаться. История застаёт древнюю Русь именно на той степени исторического развития, когда семья составляет единственный и непосредственный узел народной жизни, когда семья составляет существо, основу народного быта; когда, следовательно, семейные добродетели являются неизбежным последствием, естественным продуктом жизни. Доказывать ученым образом, что муж любил жену, а мать любила детей, все равно, что доказывать, что и в старину жили также люди. Не в том дело имела ли женщина человек человеческие чувства, находилась ли в человеческих отношениях к отцу, к мужу, к детям; вообще, не в том дело, что именем женщины обозначался человек женского пола; дело в том пользовался ли женский пол общественными правами наравне с мужским долом, т. е. в равной половине; была ли женская личность самостоятельна в обществе именно эту свою женскую половиною; почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельную половиною не семьи, а самого общества; или же эта половина в сущности была только придатком к тому целому, которое выражалось лишь одною личностью мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна в обществе сама по себе, как личность женщины, или же ее самостоятельность определялась только ее принадлежностью к личности мужской, как напр. значением жены мужа, матери сына и т. п.

Вот вопросы, которые возникают сами собою, когда намереваемся узнать, каково было положение женской личности в допетровской Руси. Мы, одним словом, не должны смешивать понятий и свидетельств о правах женщины, как члена семьи, какие бы ни были эти права, нравственные или юридические, с понятиями и свиде-